

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-84-100

УДК 327; 94

СЕРГЕЙ ЮРЧЕНКО

Советская делегация на Ялтинской конференции 1945 г.: слагаемые успеха

Аннотация. В статье анализируются внешние и внутренние предпосылки успешной работы советской делегации на Ялтинской конференции 1945 г. Определяющее значение имело соотношение сил на фронтах, и прежде всего успехи советских войск, которые значительно укрепили позиции СССР внутри антигитлеровской коалиции. Большую роль, в условиях централизации принятия военно-политических решений, сыграли факторы личного взаимопонимания и взаимодействия между И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, чьи подходы строились на прочном фундаменте геополитики. Успех советской делегации во многом зависел от интенсивной информационно-аналитической подготовки к конференции, призванной заложить основы послевоенного мира. Сказались и другие факторы, в частности, сильные стороны Сталина как переговорщика, а также ряд инфраструктурных преимуществ и возможностей, которыми при проведении переговоров всегда обладает принимающая сторона и которые были эффективно использованы в ходе Крымской конференции.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Крымская конференция, советская делегация, переговоры, «большая тройка», И. Сталин, У. Черчилль, Ф. Рузвельт.

Деятельность советской делегации на Ялтинской конференции 1945 г. завершилась несомненным успехом. Иосиф Сталин «остался доволен» ее результатами [Жуков, с. 591] и дал указание наркому внутренних дел Лаврентию Берии щедро наградить тех, кто осуществлял подготовку встречи в верхах: к орденам и медалям были представлены 1021 человек, в том числе 10 — к ордену Кутузова 1 степени, 15 — к ордену Кутузова 2 степени [ГАРФ. Ф. р-9401 сч. Оп. 2. Д. 93. Л. 136]. Такими орденами награждали за хорошо разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено тяжелое поражение, а советские войска сохраняли боеспособность. Вячеслав Молотов подчеркивал: «А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача. Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули. По этой части мы постарались и добились, по-моему, неплохих результатов» [Чувев Молотов... с. 102]. Тогда посол СССР в США, а в последующем многолетний министр иностранных дел Советского Союза Андрей Громыко считал, что «Ялта стала кульминационным пунктом сотрудничества трех

Сведения об авторе: ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич — профессор, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского по международной деятельности и информационной политике, доктор политических наук.

ведущих держав антигитлеровской коалиции», что «в период встречи в Ялте “большой тройки” уже никто в мире... не мог недооценивать... огромного морально-политического авторитета Советского государства, равно как и его экономического потенциала и несокрушимой мощи самой передовой и опытной в мире Советской Армии», и что «Ялтинские соглашения — будь то документы, касающиеся обращения с Германией после ее капитуляции, или соглашение об условиях вступления СССР в войну против Японии, Декларация об освобожденной Европе или соглашение о Польше, решение по вопросу создания Организации Объединенных Наций — все они отразили коренное изменение соотношения сил в международных отношениях, стали синонимом реализма в политике» [Ялтинская конференция 1945... с. 3]. Такой подход определял оценки ялтинской встречи руководителей трех держав в советской историографии.

И в современных российских исследованиях отмечается, что «в историю нашей страны Крымская конференция... вошла с большим плюсом. Это была высшая точка сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции, СССР и западного мира. Кроме того, Москва получила многое из того, на что рассчитывала для закрепления своей военной победы средствами дипломатии... Истина такова, что решения Ялтинской конференции были продиктованы военными возможностями стран-победительниц и их интересами... Никто не получил всего, что хотел. А чтобы добиться желаемого, всем пришлось пойти на компромиссы и уступки» [Никонов, с. 185]. В контексте значения Ялтинской встречи «большой тройки» как конференции победы в войне и устройства послевоенной системы международных отношений, просуществовавшей почти полвека, в которой СССР выступал одним из двух центров мировой мощи, возникают резонные вопросы о слагаемых успеха работы советской делегации. Разумеется, в исследованиях по теории международных переговоров присутствует, так сказать, идеальная модель достижения успеха, но особый интерес вызывает практическая реализация ее элементов в событиях такого масштаба, как Ялтинская конференция 1945 г. Поэтому представляется значимым рассмотреть внешние и внутренние факторы работы советской делегации — факторы, учет которых обеспечил успех в прошлом и мог бы сыграть свою роль в будущем.

Во время войны результат любых переговоров в определяющей степени зависит от соотношения сил сторон, в ней участвующих. В условиях осени-зимы 1944–1945 гг. это соотношение олицетворялось военными успехами держав антигитлеровской коалиции, в первую очередь — СССР. Еще в ходе летне-осенней кампании 1944 г. Красная армия осуществила стратегическое наступление на фронте протяженностью до 4,5 тыс. км и на глубину 600–1100 км. Завершилось освобождение от врага оккупированной территории СССР, кроме Курляндии, и началось освобождение стран Восточной Европы. За семь месяцев только немецкие войска потеряли более 1,6 млн человек, из которых в плену оказалось свыше 680 тысяч. Численность войск противника на советско-германском фронте значительно уменьшилась в результате выхода из войны армий Финляндии и Румынии, насчитывавших до 630 тысяч человек [Фесенко, с. 91]. Эти успехи советских войск значительно укрепили позиции Советского Союза внутри антигитлеровской коалиции, создавая основу для выгодного послевоенного урегулирования.

Советское командование готовило операцию по завершению освобождения Польши силами пяти фронтов на обширном пространстве от Балтийского моря до Карпат в рамках взаимосвязанных операций — Восточно-Прусской и Висло-Одерской, в результате проведения которых войска должны были разгромить противника в Восточной Пруссии и Польше и открыть путь на Берлин [Вторая мировая война 1939–1945 гг.... с. 675]. В политическом плане в результате успешного проведения этого наступления обеспечивались бы контроль над решением «польского вопроса» и выгодные позиции для дальнейшего продвижения вглубь Германии. «После Сталинградской битвы, — подчеркивал Генри Киссинджер, — Сталин не сомневался уже, что, когда окончится война, Советский Союз будет обладать подавляющим большинством спорных территорий. Все менее и менее полагаясь на переговоры, Сталин передоверил формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий...» [Киссинджер, с. 358].

Удар немцев по войскам западных союзников в Арденнах в декабре 1944 г., с одной стороны, создавал дополнительные возможности для советских войск — начало наступления во время ожесточенных боев на Западе значительно ограничивало свободу маневра резервами и ресурсами для германского командования, а с другой — давал возможность, осуществляя задуманное наступление, оказать содействие войскам союзников и, в преддверии встречи «большой тройки» в Крыму, укрепить свои морально-политические позиции в качестве надежного союзника, тем более что Черчилль просил об этом Сталина.

Поэтому наступление, планировавшееся на 20 января, началось на восемь дней раньше. 12 января нанесли удар войска 1-го Украинского фронта маршала Ивана Конева, а 14 января перешел в наступление 1-й Белорусский фронт маршала Георгия Жукова, в составе которого действовала 1-я армия Войска Польского. Всего в составе двух фронтов насчитывалось около 2,2 млн человек, 33,5 тыс. орудий и минометов, свыше 7 тыс. танков и САУ, 5 тыс. самолетов — это была самая крупная стратегическая группировка советских войск, когда-либо создававшаяся для проведения одной стратегической операции [Россия и СССР в войнах XX века... с. 337].

На участках прорыва огонь вели по 250–300 орудий на 1 км фронта. Ширина фронта боевых действий составляла 500 км с последующим расширением до 1000 км, глубина продвижения советских войск — 500 км, среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений — 20–22 км, танковых и механизированных — 30–35 км, доходя в отдельные дни, соответственно, до 40 и 70 км в сутки. Это были самые высокие темпы наступления советских и союзных войск за всю Великую Отечественную войну и Вторую мировую войну [Успех и испытания...]. Прорыву войск маршалов И. Конева и Г. Жукова способствовало одновременно проходившее наступление 2-го и 3-го Белорусских фронтов на северо-западе Польши и в Восточной Пруссии и 4-го Украинского фронта — в южных районах Польши.

В ходе наступления немецкие войска были отброшены далеко на запад, основные силы двух немецких групп армий были разгромлены, а группировка войск в Восточной Пруссии блокирована. Советские части освободили Польшу, значительную часть Чехо-

словакии, заняли большую часть Восточной Пруссии, вели бои за Будапешт. В начале февраля боевые действия шли уже в Восточной Померании и Бранденбурге. Советские войска почти в 200-километровой полосе вышли на р. Одер и, сходу захватив плацдармы на его левом берегу в районе Кюстрина, оказались в 60 километрах от Берлина. В линию обороны вермахта был вбит огромный клин, и немецкому командованию, чтобы закрыть брешь, пришлось перебросить значительные силы с Запада на Восток. Наступление вермахта на Западном фронте было остановлено.

В ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции потери советских войск составили свыше 193 тыс. человек, из них более 43 тыс. — безвозвратные потери; более 1,2 тыс. танков и САУ; более 370 орудий и минометов; около 350 боевых самолетов [Россия и СССР в войнах XX века... с. 337]. «Эти события в Европе укрепляли позиции СССР на Крымской конференции, но далеко не гарантировали принятие только таких решений, на которые рассчитывало советское руководство» [Ржешевский, с. 491]. «Сталин не раз говорил, — вспоминал В. Молотов, — что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, не добавляют» [Чуев Молотов... с. 102]. Чтобы эта историческая ошибка не повторилась вновь, советский лидер тщательно готовил предстоявшую конференцию в Ялте, переплавляя военные победы Красной армии в политико-дипломатический успех в переговорах с партнерами-соперниками, войска которых, перегруппировывая силы после наступления немцев в Арденнах, находились в 500 км западнее Берлина и только 27 января достигли границы Германии, планируя начать первое наступление 8 февраля, второе — несколькими днями позднее и большое наступление — в марте [Погью, с. 431]. Поэтому, справедливо отметит один из биографов американского генерала Дж. Маршалла, в первый день работы Ялтинской конференции, сравнивая доклады военных, «впервые западные союзники осознали те громадные силы, которыми командовал Сталин» [Rayne, p. 234]. В такой ситуации — глубокого продвижения советской мощи в Европу — руководители трех держав антигитлеровской коалиции обсуждали возможность проведения конференции в Крыму.

К ялтинской встрече готовились люди, соизмеримые по масштабу понимания проблем, — и это следующий фактор, обусловивший достигнутые компромиссы. Эту соразмерность, говоря о Рузвельте и Черчилле, прекрасно выразил сотрудник и биограф американского президента Р. Шервуд, так характеризую лидеров войны: «Это были [люди]..., занимавшиеся одним и тем же делом — военно-политическим руководством в масштабах всего мира. Людей этой профессии очень мало, и те немногие, кто овладевает ею, редко имеют возможность встречаться с собратьями по профессии, чтобы сравнивать свои впечатления и говорить на профессиональные темы. Они оценивали друг друга наметанным глазом профессионалов, испытывая известное восхищение друг перед другом, проникаясь сочувственным пониманием специальных проблем, стоявших перед каждым из них, что недоступно для профессионалов меньшего масштаба» [Шервуд, с. 574]. В их число, несомненно, входил и Сталин.

Более того, эти люди принадлежали к одному поколению: Черчиллю был 71 год, Сталину — 66 лет, Рузвельту — 63. Это были люди, пережившие — в разных условиях

и в разном качестве, но при активном участии в политическом процессе — великие события первой половины XX в., включая мировые войны. А «эпохальные события прокладывают границы между поколениями. Общий жизненный опыт предопределяет общие чувства и взгляды» [Шлезингер-мл., с. 50]. «Различные индивидуумы по-разному реагируют на одни и те же внешние воздействия. Однако совместно воспринимаемые внешние воздействия дают каждому поколению если не единообразную идеологию, то по меньшей мере осознание своей особой, обособленной от других общности. Представители одного поколения, по выражению Карла Мангейма, занимают “общее место в историческом измерении социального процесса”» [Там же, с. 51].

На конференции эта общность видения важнейших мировых проблем руководителями СССР, США и Великобритании проявилась во время обсуждения 6 февраля вопроса о международной организации безопасности, когда Сталин, говоря об императиве единства действий трех держав, сказал: «Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [Советский Союз на международных... с. 87].

При всем различии социального происхождения, личностных качеств, политических пристрастий и методов работы, Сталин, Рузвельт и Черчилль, как писал ирландский историк профессор Джеффри Робертс, были объединены «важной общей чертой: они имели огромный политический опыт и придавали большое значение личным отношениям» [Робертс]. Более того, «все они верили в роль великого человека в истории и считали себя вестниками судьбы, призванными предохранить свои страны от катастрофы... Они были готовы разделить друг с другом всеобщее внимание в истории. Такая снисходительность была необходима для гармоничных отношений, которые развивались между ними в дальнейшем в ходе войны» [Там же]. В этой связи, вероятно, справедливо замечание Дж. Робертса: в основе антигитлеровской коалиции «лежало взаимодействие глав трех государств: без личного союза Черчилля, Рузвельта и Сталина — “большой тройки”, как их называли во время войны, — Великий Альянс был бы мертворожденным или рухнул под давлением противоречий и вызовов. Именно “большая тройка” обеспечила выживание англо-американо-советской коалиции в первые, трудные годы войны, приведшей к концепции Великого Альянса мирного времени, призванного обеспечить мир и безопасность для всех государств» [Там же].

Условия тяжелой войны диктовали каждому из членов «большой тройки» еще одну важную общую характеристику: централизацию принятия военно-политических решений, что обеспечивало должную координацию и эффективность действий. Характеризуя дипломатию того периода, В. Молотов подчеркивал: «Я думаю, нас надуть было довольно трудно, потому что все было в кулаке сжато у Сталина, у меня, — иначе мы не могли в тот период... Эта дипломатия в наших условиях была необходимой, и она дала положительные результаты» [Чуев Сто сорок... с. 98, 99].

Рузвельт, величие которого заключалось «в смелости и прозорливости во время великих кризисов, с которыми сталкивалась Америка» [Ширер, с. 423], говоря словами британского автора И. Берлина, «обладал силой характера, энергией и ловкостью диктаторов, а был на нашей стороне» [Berlin, p. 26].

Что касается Черчилля, то его энергия и, порой, вулканическая активность в сочетании с правами, которыми он пользовался как премьер-министр и министр обороны, привели к концентрации в его руках огромной, по существу неограниченной власти. «Многие английские историки отмечают, что в силу сложившейся обстановки Черчилль “превратился в диктатора”, — писал В.Г. Трухановский. — Свой метод руководства государственными делами он как-то сформулировал в следующей фразе: “Все, чего я хотел, так это согласия с моими желаниями после разумного обсуждения». Под «разумным обсуждением» ... Черчилль подразумевал такое обсуждение, которое заканчивалось одобрением его взглядов и предложений» [Трухановский].

И все три лидера при известной приверженности различным идеологиям, расхождениях в интерпретации международных отношений по линии «универсализм vs сферы влияния», методологически формировали свои военно-политические подходы на прочном фундаменте геополитики: определении границ и контроля над пространством. Этот подход проявился еще в Тегеране при обсуждении вопроса о создании всемирной организации безопасности. Тогда предложение Рузвельта заинтересовало Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — отметил он, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии» [Советский Союз на международных... с. 105]. Рузвельт согласился «на сто процентов», а Сталин отметил: «В таком случае все обеспечено» [Там же].

Еще более рельефно этот подход проявился во время встречи Вячеслава Молотова, Антони Идена и Гарри Гопкинса 30 ноября 1943 г., когда советник американского президента отметил, что отдельные районы на Тихом океане могли бы контролироваться не войсками Объединенных Наций, а американскими войсками; и что он «хотел бы, чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [Там же, с. 130]. Эти мысли вызвали безусловное одобрение В. Молотова, который отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существуют разделения: это ваша сфера влияния, а это наша» [Чув Сто сорок... с. 23]. Так что линия, направленная на определение пределов геополитического влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира, проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы, — в 1943 г.

Необходимость определения пределов геополитического влияния держав, побеждавших в мировой войне, обусловила и значение фактора времени в созыве второй конференции «большой тройки». В ходе зимне-весенней кампании 1944 г. были осуществлены стратегические операции Красной армии, в ходе которых были разгромлены основные силы групп немецких армий, полностью снята блокада Ленинграда, освобождены Правобережная Украина, Одесса и Крым. Советские войска вышли на подступы к границам Польши, Чехословакии, вступили на территорию Румынии: были созданы условия для дальнейшего продвижения в страны Восточной Европы и на Балканы. Происходившие изменения побуждали западных союзников проявлять инициативу в созыве новой трехсторонней конференции.

Предложение о встрече Рузвельта со Сталиным возникло еще в мае 1944 г., когда посол США в СССР Аверелл Гарриман был на консультациях у президента, который поручил ему организовать встречу со Сталиным. Вернувшись в Москву в июне, А. Гарриман сообщил Сталину о предложении президента. 16 июля уже Черчилль писал Рузвельту: «Когда и где мы встретимся? То, что мы должны встретиться, не подлежит сомнению. Было бы лучше, чтобы прибыл и д. Д. («дядя Джо» — так называли в переписке между собой Сталина лидеры западных держав. — С. Ю.)... Правительство Его Величества хотело бы предложить «Эврику II» («Эврика» — кодовое наименование встречи «большой тройки» в Тегеране. — С. Ю.) на последнюю декаду августа... Но мы непременно должны встретиться вдвоем, а если возможно, то и втроем» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с.623]. Президент взял в свои руки инициативу в обсуждении этого вопроса, и 19 июля Сталин получил от него послание с предложением о тройственной встрече. 20 июля Черчилль в послании Сталину предложил встретиться «до наступления зимы» [Переписка Председателя Совета Министров СССР... т. 1, с. 280]. 24 июля он даже попытался «надавить» на Сталина по поводу предложения о встрече в Инвергордоне: «...Я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана... Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать» [Там же, т. 2, с. 283].

Успешное продвижение советских войск вглубь Европы больше всего беспокоило англо-американских союзников, особенно Черчилля. «Продвижение советских армий в Центральную и Восточную Европу летом 1944 г., — писал он, — создало настоятельную необходимость прийти к политическому соглашению с русскими относительно этих районов. Казалось, что вырисовывались контуры послевоенной Европы... Мы стремились достигнуть уравновешенного результата в югославских делах путем прямых переговоров с Тито. Но пока еще не удалось добиться от Москвы какого-либо прогресса в решении вопросов, связанных с Польшей, Венгрией, Румынией и Болгарией» [Черчилль, с.372]. И Черчилль, «глядя на Европейский континент, одним глазом следил за отступающими немцами, другим — за наступающими русскими» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с. 576]. Он отмечал в послании Рузвельту еще 23 июня 1944 г.: «По существу, я не могу припомнить такой момент, когда лежащее на мне бремя войны было бы более тяжелым или когда бы я чувствовал себя столь неподготовленным к ее все более усложняющимся проблемам» [Там же, с. 610]. Ситуация еще более усугуби-

лась в связи с начавшимся 1 августа восстанием в Варшаве и различным отношением к нему западных союзников и Сталина, для которого проблема Польши означала проблему послевоенной безопасности, что и проявилось в дискуссиях на Ялтинской конференции, на которой польскому вопросу было уделено максимальное количество времени.

Сталин ехать на встречу с лидерами союзных государств не собирался. За словами в ответных посланиях о «желательности» такой встречи и «невозможности» покинуть страну в связи с боями по «столь широкому фронту» [Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами... т. 1, с. 285, т.2, с. 158] скрывались глубокие размышления о том, как скоро и с какими военно-политическими итогами будет завершена война. Их конфигурация зависела от результатов Белорусской, Яско-Кишиневской, Львовско-Сандомирской и других стратегических наступательных операций, которые осуществлялись или планировались советским командованием. Будучи убежденным, что встречи в верхах лишь фиксируют сложившееся соотношение сил, но не изменяют его, Сталин выжидал итогов летне-осенней кампании 1944 г., которые, в случае успеха, усилили бы его переговорные позиции с западными союзниками. Проницательный советник президента США Г. Гопкинс еще 26 июня отмечал в телеграмме Рузвельту: «Что касается дяди Джо, то он, очевидно, хочет отложить свою предстоящую встречу с вами до тех пор, пока Германия не потерпит крах» [Шервуд, с. 511].

Рузвельт и Черчилль были вынуждены встретиться вдвоем в сентябре 1944 г. в Квебеке, где проявилась «общая уверенность, что капитуляция Германии — дело ближайших недель или даже дней», и стало ясно, что «союзники были хорошо подготовлены к затяжной войне на истребление в Европе, но были очень плохо подготовлены к последствиям неожиданной тотальной победы» [Там же, с. 520]. А это возвращало лидеров западных союзников к проблеме трехстороннего совещания со Сталиным, войска которого продолжали наступать. И «вопрос о контроле над Юго-Восточной Европой приобрел особую актуальность, и Черчилль был, естественно, так обеспокоен этим, что считал необходимым созыв нового совещания “большой тройки” без всяких отлагательств. Рузвельт, конечно, не мог предпринять длительную поездку в разгар политической кампании, но Черчилль занял неуязвимую позицию, утверждая, что продвигающиеся русские армии не станут ждать, пока будут получены результаты голосования из Мичигана, Южной Дакоты и Орегона» [Там же, с. 540].

Далее последовал октябрьский визит Черчилля в Москву, где он попытался решить напрямую со Сталиным вопрос будущего Восточной Европы, что вылилось в известное «процентное соглашение». Тем временем Г. Гопкинс встретился с советским послом А. Громыко и сообщил ему о желании созвать конференцию. При этом советник президента спросил: «Найдется ли в Крыму подходящее место для конференции?» «Вероятно, найдется», — был дан ответ без комментариев. Комментарии последовали из Москвы. 19 октября Сталин писал Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого

намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы» [Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами... т. 2, с. 173]. Откладывая решение о сроках проведения конференции, Сталин задействовал фактор времени в свою пользу.

Далее продолжились жесткие «переговоры о переговорах» в эпистолярном жанре. Западные союзники предлагали встретиться в Касабланке, Риме, Тегеране, Инвергордоне в Шотландии, Гааге, Афинах, на Кипре, Мальте, в Пирее, Салониках, Константинополе, Иерусалиме, Египте, на Ривьере, в Хайфе, Александрии, Таормине в Восточной Сицилии, почти любом пункте в районе Средиземного или Адриатического морей. Сталин стоял на своем: место встречи — один из советских портовых городов на побережье Черного моря [Там же, с. 178–179].

В послании 9 декабря 1944 г. Рузвельт писал Черчиллю, что если Сталин «будет настаивать на Черном море, я смогу поехать туда, даже несмотря на большие трудности из-за конгресса. Гарриман предложил Батум, город с превосходным климатом. Мы с Вами могли бы поехать туда с Мальты или Афин, отправив заранее один из моих транспортных флагманов, на котором можно было бы жить. Ялта также не повреждена, хотя там открытый рейд, и нам, вероятно, пришлось бы жить на берегу» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с. 705]. Так Ялта впервые возникла в переписке в качестве возможного места встречи в верхах. Борьба в эпистолярном жанре по этому поводу завершилась. «В своих маневрах, — писал о действиях Сталина при выборе места проведения конференций союзников итальянский исследователь Дж. Боффа, — ему неизменно удавалось добиваться, чтобы трехсторонние встречи на высшем уровне происходили в тех местах, при тех обстоятельствах и в те моменты (когда военные успехи его армий были уже неоспоримы), которые не могли оставлять никаких сомнений насчет необходимости считаться с представляемой им державой как с равной» [Боффа, т. 2, с. 155].

Для Сталина было важно и то, чтобы западные союзники на примере Крыма, по территории которого война прокатилась дважды, узнали о масштабах разрушений и жертв Советского Союза. Это давало ему козырь в переговорах о репарациях и займе. Увиденное президентом США не замедлило сказаться, и уже во время первой встречи со Сталиным 4 февраля Рузвельт сразу заявил, что «теперь, когда он увидел в Крыму бессмысленные разрушения, произведенные немцами, он хотел бы уничтожить в два раза больше немцев, чем до сих пор» [Советский Союз на международных конференциях... т. 4, с. 45]. А по возвращении в Америку президент сказал в Конгрессе о пребывании в Крыму: «Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, но я видел Севастополь и Ялту! И знаю, что на Земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие» [Франклин Делано Рузвельт... с. 22].

Кроме стратегических соображений, обусловливавших стремление Сталина настаивать на проведении конференции на советской территории, существовали и более прозаические причины, определявшие позицию советского руководителя: перегрузки при

длительной поездке, предполагавшей полеты на самолетах; усиление угроз при выезде куда-либо в условиях войны, когда опасность исходила не только от возможных действий противника, но и от непредвиденных обстоятельств, связанных с работой техники, погодных условий, эпидемической обстановки; эффективность мер безопасности, которая напрямую зависела от места проведения встречи, и др.

Немаловажным было и то, что при проведении переговоров принимающая сторона всегда обладает рядом серьезных преимуществ, обусловленных налаженной инфраструктурой, когда сокращается время для получения информации и есть дополнительные ресурсы для ее реализации, когда существуют дополнительные возможности влияния на порядок проведения переговоров и позиции партнеров. Ведь «конференция с точки зрения профессиональной представляла собой донельзя сжатый во времени отрезок сложнейшей многосторонней дипломатии; на всех уровнях, в первую очередь на высшем, она отличалась обилием и масштабом проблем, различием подходов к решению многих из них. Все это требовало глубокого взвешенного и одновременно быстрого осмысления возникающих вопросов, выверенной и четкой реакции...» [Севастьянов, с. 33]. Наконец, Сталин, учитывая опыт встречи в Тегеране, рассчитывал и на использование радиотехнических средств в получении дополнительной информации о позициях англичан и американцев на переговорах. В этом отношении поговорка о том, что «дома и родные стены помогают», приобретала буквальный смысл.

Успех советской делегации на конференции во многом зависел от интенсивной информационно-аналитической работы при ее подготовке. Важно отметить, что интеллектуальные наработки по послевоенному миру начались в Советском Союзе еще в декабре 1941 г. и проявились в предложениях Сталина, сделанных британскому министру иностранных дел А. Идену в ходе его визита в Москву. А 28 января 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира», которую возглавил В. Молотов. В последующем для обсуждения особо важных вопросов создавались специальные комиссии. В соответствии с решением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при Наркоминделе были образованы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, а также Комиссия по вопросам перемирия. Первую возглавил замнаркома иностранных дел Максим Литвинов, вторую — заместитель Председателя СНК СССР Климент Ворошилов. По решению Политбюро от 22 ноября 1943 г. при НКВД была создана Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил замнаркома иностранных дел Иван Майский. Среди этих трех комиссий главное место занимала Комиссия К. Ворошилова, наиболее важные проекты документов которой утверждались лично Сталиным. Их наработки стали одним из источников определения советской позиции на конференции.

Другим механизмом подготовки материалов к встрече «большой тройки» был Отдел международной информации ЦК ВКП(б). Его сотрудники, в частности, рассматривали возможности использования англо-американских противоречий по целому кругу проблем, таких как будущее британской империи; позиции обеих держав на европейском

континенте и в особенности курс в германском вопросе; сырье, главным образом нефть, и международные коммуникации; политика в бассейне Тихого океана и в Латинской Америке. Внешнеполитические эксперты ЦК партии подчеркивали, что между США и Англией не было достаточной согласованности по вопросам послевоенного устройства Европы и, в частности, Германии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 754. Л. 25.].

Огромную ценность на переговорах представляла информация об истинных целях партнеров-соперников, о пределах их возможных уступок и запасных позициях, которую добывала советская внешняя разведка, обладавшая серьезными агентурными источниками в спецслужбах США и Великобритании и военной разведке польского эмигрантского правительства в Лондоне [Органы государственной безопасности... с. XVIII]. «Достаточно сказать, — отмечал руководитель советской внешней разведки генерал-лейтенант Павел Фитин, характеризуя ее роль в подготовке встреч на высшем уровне в Ялте и Потсдаме, — что все подготовительные документы правительств США и Англии перед этими конференциями были доложены Сталину и Молотову» [Воспоминания начальника...].

При этом советскими спецслужбами осуществлялась фундаментальная информационно-аналитическая работа. Назначенный руководителем специальной группы по подготовке и проверке материалов к Ялтинской конференции начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Судоплатов вспоминал: «В конце 1944 года, готовясь к Ялтинской конференции..., мы провели совещание руководителей НКВД-НКГБ, Наркомата обороны и ВМФ, на котором председательствовал Молотов. Целью этого совещания было выяснить, может ли Германия продолжать войну, и проанализировать информацию о возможных сферах соглашений с нашими союзниками Америкой и Англией по послевоенному устройству мира» [Судоплатов, с. 264]. А накануне конференции, под председательством вначале генерал-полковника Филиппа Голикова, а затем наркома внутренних дел Л. Берии, состоялось самое длительное за всю войну — в течение трех дней — совещание руководителей разведки Наркомата обороны, ВМФ и НКВД-НКГБ. Его итогом стали верные прогнозы о том, что «война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и боеприпасов», общее согласие по поводу того, «что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии нашей делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе», и что «американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности в быстрейшем вступлении Советского Союза в войну с Японией» [Там же, с. 203].

Сбор информации планировалось осуществлять и в период работы самой конференции. В этих целях активизировалась деятельность «агентов», «источников» и «осведомителей», предусматривались меры по «слуховому контролю» — использованию скрытых микрофонов и передатчиков. Кроме этого, во время работы конференции предполагался сбор информации во время контактов лиц, обеспечивавших охрану и обслуживание встречи в верхах. При этом еду и выпивку в резиденциях союзников отпускали бесплатно, что весьма нравилось американцам и англичанам. Сын наркома внутренних дел СССР Серго Берия, участвовавший в мероприятиях по обеспече-

нию конференции, вспоминал: «Американскую и английскую охрану хорошо кормили и щедро поили, в противоположность тому, что было в Тегеране. Изрядно выпив, они часто сваливались под стол, и их нужно было разносить по номерам. Некоторым из наших охранников было разрешено напиваться вместе с ними, и между ними сложились очень сердечные отношения. Я думаю, что это разрешение было заранее продумано» [Берия, с. 138].

Советская разведка вела работу и по изучению психологических особенностей членов делегаций западных союзников, от чего в принципе и зависят результаты и исход переговоров, выступающих сплавом рациональности и эмоциональности. «Проводя подготовку к встрече в Крыму, — вспоминал П. Судоплатов, — мы собирали данные о руководителях союзных держав, составляли их психологические портреты, чтобы наша делегация знала, с чем она может столкнуться во время переговоров... Перед любым официальным визитом список будущих участников в обязательном порядке вручался НКВД (или НКГБ). В данном случае такой список всех членов американской делегации на Ялтинской конференции получил я. В нем на каждого из участников содержались подробные установочные данные, включая связи с нами и отношение к нашей стране. Полученные мною материалы для составления психологической характеристики содержали информацию о личностных качествах и особо секретное приложение о возможности их агентурного сотрудничества с советской разведкой» [Судоплатов, с. 265, 270–271]. Для составления психологических портретов использовались и записанные на пленку переговоры П. Судоплатова, выступавшего в качестве сотрудника секретариата В. Молотова Павла Матвеева, с американским послом А. Гарриманом. «Потом, — вспоминал Судоплатов, — мы прослушивали запись, пытаясь найти в ней любые дополнительные штрихи для создания психологического портрета членов американской делегации на конференции в Ялте. Эти психологические нюансы были для Сталина важнее разведывательных данных: возможность установления личных контактов с главами западных делегаций Рузвельтом и Черчиллем представлялась ему решающей. И действительно, личные отношения мировых лидеров сыграли колоссальную роль при обсуждении и принятии документов на Ялтинской конференции» [Там же, с. 269–270].

Дополнительные возможности воздействия на делегации союзников были связаны и с фактором их размещения. Некоторые последующие критики решений Ялтинской конференции рассматривали чуть ли не мистически то обстоятельство, что советская делегация разместилась в Кореизе, расположенном между резиденциями делегаций США (в Ливадии) и Великобритании (в Алушке), Исследователь Ф. Уиттмер подчеркивал: «Юсуповский дворец, где жила советская делегация, символически раскалывал англосаксонскую ось пополам» [Wittmer, p. 78]. Оставляя в стороне мистику и стремление к символам, отметим, что размещение делегаций англо-американских союзников в резиденциях, находившихся друг от друга на расстоянии в 15 километров, безусловно, не было случайным. По всей видимости, Сталин не хотел предоставлять им дополнительных возможностей для согласования позиций, что требовало прежде всего времени. В условиях жестких ограничителей — сроков проведения конференции — даже несколько десятков минут, уходящих на дорогу, играли определенную роль.

Особую роль играла и «кулинарная дипломатия», так запомнившаяся англо-американским участникам конференции: от палаток на Сакском аэродроме до приемов в резиденциях делегаций. Постоянный заместитель британского министра иностранных дел Александр Кадоган писал о том, что в Воронцовском дворце членов британской делегации ждал «чудовищный обед — снова икра и копченый лосось, снова водка и много еды всех сортов, заканчивая мандаринами. После того Антони (Иден. — С. Ю.) и я удалились спать до ужина! Ужин был другим гигантским принятием пищи, когда все наши сотрудники собрались вместе» [Cadogan, p. 703]. Вообще проблема еды с водкой, с «тостами все время» очень беспокоила А. Кадогана, и он даже жаловался жене: «Пища вполне хорошая, хотя, как обычно в России, несколько однообразная... Икра и сладкие пирожки на завтрак сами по себе иногда, до известной степени, являются приемлемыми, но они потом надоедают. Однако мы сейчас обучаем их давать нам омлет и тому подобное» [ibid, p. 706]. Эти слова отражали не столько «нестыковку» гастрономических предпочтений британского аристократа с русской кухней, сколько задачу принимавшей стороны «ошеломить и подавить противника» «кулинарными средствами, внушив ему через посредство его же собственного желудка уважение, почтение и восхищение огромными возможностями Советской страны» [Эхо, с. 6].

Успех советской делегации на конференции был, несомненно, связан и с тем, что ее глава, Сталин, был не только крупным государственным деятелем, но сильным переговорщиком. У него была собственная внешнеполитическая концепция и свой стиль. В плане общего подхода к вопросам внешней политики Сталин, несомненно, был прагматиком, деятелем геополитического мышления, оценивавшим положение дел в категориях сфер влияния, территорий и границ, а его политика была примером реализации стратегии «накопления сил» в неблагоприятной международной обстановке, создания механизмов удержания «большого пространства» и формирования «пояса безопасности» на послевоенных советских рубежах. Советский лидер ориентировался на сохранение союза трех держав на завершающем этапе войны и в послевоенном мире. Но в условиях существования этого союза он был готов жестко отстаивать свою сферу влияния. В нее включались освобожденные Красной армией восточноевропейские страны, где у власти должны были находиться «дружественные» правительства. В этом направлении, включая решение «польского вопроса», Сталин добился успеха. На конференции были признаны и его требования на Дальнем Востоке.

Его переговорный стиль характеризовался тем, что «Сталин был мастером обаяния, отвлекающего маневра и веского довода» [Цит. по: Робертс]. Он говорил немного — меньше, чем его партнеры по переговорам, — короткими предложениями, которые лучше осмысливались, четко формулировал важнейшие положения, для усиления смысловой нагрузки использовал тон, модуляцию речи и жесты. Проявлял чрезвычайно цепкое внимание к реальному соотношению сил, причем не только в целом, но и по каждому конкретному вопросу [Боффа, с. 214]. При обсуждении сложных проблем, когда не было возможности решить их однозначно, Сталин не торопился брать на себя инициативу, а ждал, когда предложения последуют от партнеров. После этого выдвигалась череда вопросов, условий и требований. Так было с проблемой голосования в Совете Безопасности будущей ООН. Когда советские интересы были гарантирова-

ны принципом единогласия и две республики — Украина и Белоруссия — допущены к первоначальному членству в организации, она получила «зеленый свет».

Сталин внимательно готовился к каждой встрече с руководителями США и Великобритании и, несмотря на феноменальную память, снова и снова просматривал записи и документы. Перед заседаниями конференции он, по свидетельству участников, собирал членов делегации, выслушивал их соображения по конкретным проблемам, давая почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться.

Сталин умел использовать потенциал партнеров. Он учел, что президенту США, ввиду его инвалидности, трудно передвигаться, и поэтому предложил встречаться в его резиденции — Ливадийском дворце, превращая Рузвельта во «второго хозяина» Крымской конференции. Продолжая традицию, заложенную в Тегеране, он предложил президенту председательствовать на конференции. И Рузвельт оценил как эти жесты, так и усилия по созданию уютной атмосферы во дворце. На конференции советская делегация, «по мере возможности, предлагала брать за основу большинства решений американские проекты, ограничиваясь непринципиальными дополнениями. В заключительное коммюнике советская делегация вообще не внесла никаких поправок» [Валентин Фалин...].

Сталин производил сильное впечатление на членов делегаций союзников. Впервые встретившийся со Сталиным в Тегеране начальник штаба президента адмирал Уильям Леги писал: «Большинство из нас до встречи с ним считали его бандитским главарем, который пробился на высокий пост в своем правительстве. Это впечатление было ошибочным. Мы сразу же поняли, что имеем дело с весьма умным человеком, который умел хорошо говорить и был намерен получить то, чего он хотел для России. Ни один профессиональный солдат или моряк не мог бы упрекнуть его за это. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, благожелательным и учитывающим точки зрения двух его коллег — пока один из них не выдвигал какое-нибудь предложение, которое, по мнению Сталина, шло вразрез с советскими интересами. Тогда он мог быть бесцеремонно прямым, почти грубым» [Вторая мировая война в воспоминаниях...].

Впечатление, произведенное им в Ялте, характеризуют, например, слова А. Кадогана: «Я должен сказать, я думаю, дядя Джо наиболее впечатляющий из трех человек. Он очень спокойный и сдержанный. В первый день он сидел в течение первых полутора часов или около того, не говоря ни слова — у него не было необходимости делать это. Президент волновался, и премьер-министр шумел, но Джо только наблюдал за всем разговором и скорее забавлялся. Когда он принимал участие в разговоре, он никогда не употреблял лишнего слова, но говорил очень много по сути. Он явно обладает очень хорошим чувством юмора и, пожалуй, живым характером». Это накладывало отпечаток на ход дискуссий, и А. Кадоган удивлялся: «Я никогда не представлял, что русские так терпимы и сговорчивы. В особенности Джо был очень любезен. Он — великий человек и очень впечатляюще выделяется на фоне двух других стареющих государственных деятелей» [Cadogan, p. 706, 708–709].

«Сталин уверенно направлял деятельность Советской делегации, — вспоминал А. Громыко. — Эта уверенность передавалась всем нам, кто работал на конференции, особенно кто находился с ним за столом переговоров» [Громыко, с. 182]. В официальный состав советской делегации, сопровождавшей Сталина, входили 8 человек: нарком иностранных дел В. Молотов, нарком военно-морского флота Н. Кузнецов, заместитель начальника генштаба Красной армии генерал армии А. Антонов, заместители наркома иностранных дел СССР А. Вышинский и И. Майский, начальник штаба ВВС и замкомандующего ВВС Красной армии маршал авиации С. Худяков, послы в Великобритании и США Ф. Гусев и А. Громыко. В Ялте численность советской делегации, по сравнению с Тегераном, возросла втрое и была соизмерима с численностью делегаций союзников: 14 человек в американской делегации и 13 — в британской. При этом каждого из членов делегации сопровождали люди из аппарата соответствующего наркомата или ведомства. Во время проведения конференции в Ялте находился и нарком внутренних дел Лаврентий Берия, но непосредственного участия в работе конференции он не принимал.

Специфика работы советской делегации отражала особенности централизованной иерархической системы. Каждый из ее членов был лишь исполнителем общего замысла «вождя», звеном для передачи необходимых указаний или проектов документов. При этом В. Молотов зачастую выступал более жестко, чем глава советской делегации, производя соответствующее впечатление на союзников и создавая возможности для маневра Сталину.

С точки зрения рассматриваемого круга проблем Ялтинская конференция стала первым опытом проведения многосторонней встречи в верхах со столь значительным количеством иностранных участников и обслуживающего персонала, проходившей на территории Советского Союза. Этот опыт, безусловно, оказал влияние на практику организации и осуществления подобных мероприятий в последующие годы. К слову, в 1986 г., накануне встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева с президентом США Рональдом Рейганом в Рейкьявике, П. Судоплатов направил в КГБ СССР памятную записку, в которой изложил опыт обслуживания Ялтинской конференции. Неизвестно, как отреагировали руководители этого ведомства на предоставленные материалы, но будем помнить замечание французского писателя Анри де Монтерлана о том, что «история: неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры». Новые лидеры государств собираются на встречи в верхах, им помогают новые поколения дипломатов, новые поколения разведчиков снабжают их необходимой информацией. Поэтому фрагменты сценария «неизменной пьесы» следует знать.

Литература

Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти: пер. с фр. М. 2002.

Боффа Дж. История Советского Союза: В 2-х т.: пер. с итал. М. 1990. Т. 1, 2.

Фалин В. Валентин Фалин: «Ялта-1945 — это упущенный шанс человечества» // Столетие. 06.02.2015. — URL: http://www.stoletie.ru/ww2/valentin_falin_jalta-1945_eto_upushhennyj_shans_chelovechestva_828.htm (дата обращения: 10.02.2020).

- Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина // Очерки истории российской внешней разведки. Том 4. — URL: <https://coollib.com/b/338755/read#t25> (дата обращения: 10.02.2020).
- Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра: [Сборник] / сост. Е.Я. Трояновская. М. 1990.
- Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. М. 1958.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-9401 сч. Оп. 2. Д. 93. Л. 136.
- Громыко А.А. Памятное. М. 1988. Кн. 1,2.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. 1971.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997.
- Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. М. 2016. Кн. 2.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Вперед на запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М.2007. Т. V. Кн. 1.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М. 1989. Т. 1, 2.
- Погью Ф.С. Верховное командование: сокр. пер. с англ. М. 1959.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М. 2004.
- Робертс Дж. Черчилль, Рузвельт и Сталин: роль личностного фактора в успехах и неудачах Великого Альянса // Мир истории. 2015. № 1. — URL: <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-roberts.htm> (дата обращения: 01.02.2020).
- РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 754. Л. 25.
- Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев [и др.]. М. 2010.
- Севастьянов П.П. Историческое значение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. // Ялтинская конференция 1945: уроки истории. М. 1985. С.23–38.
- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М. 1995.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). М. 1984.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. В 6 т. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М. 1984.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль (фрагменты политической биографии). — URL: https://portal.us.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1474108031&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 11.02.2020).
- Успех и испытания: Картаполов рассказал о темпах Висло-Одерской операции. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20201221734-3ayUA.html (дата обращения: 11.02.2020).
- Фесенко В. И. Влияние стратегической обстановки на решения Ялтинской конференции // Крымская конференция глав государств антигитлеровской коалиции 4–11 февраля 1945 года (к 70-летию проведения). Сб. материалов круглого стола, состоявшегося 17 февраля 2015 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны. М. С.91–103.

- Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина. М. 2003.
- Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. М. 1991.
- Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М. 1999.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М. 1991.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М. 1958. Т.1, 2.
- Ширер У. Конференция «Терминал» подлинная веха в истории // От «Барбароссы» до «Терминала»: взгляд с Запада / сост. Ю. И. Логинов. М. 1988. С. 422–439.
- Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории: пер. с англ. М. 1992.
- Эхо. 1997. № 44. С. 6.
- Ялтинская конференция 1945: уроки истории: [сб. работ симп. советских историков, посвященного 40-летию Крымской (Ялтинской) конференции. М.1985.
- Berlin I.* Personal Impressions. N.Y. 1981.
- Cadogan A.* The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945. London. 1971.
- Rayne R.* The Marshall Story. A Biography of General George C. Marshall N.Y. 1951.
- Wittmer F.* The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin Delano Roosevelt. Caldwell, 1953.